

В. Н. Топоров

Исследования
по этимологии
и семантике

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2010

В. Н. Топоров

Том 4

Балтийские
и славянские
ЯЗЫКИ

Книга 2

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2010

УДК 811
ББК 81.2
Т 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 07-04-16120

Топоров В. Н.

Т 58 Исследования по этимологии и семантике. Т. 4: Балтийские и славянские языки. Кн. 2. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. — 512 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл).

ISBN 978-5-9551-0442-3

Настоящий том состоит из трех книг и включает исследования по балтийским и славянским языкам с доисторических времен до наших дней. На основе сравнительно-исторического и этимологического анализа раскрывается широкая картина мифологических, религиозных и бытовых воззрений балтийских и славянских народов в их генетической связи с духовной культурой древних индоевропейцев. Много внимания уделяется межэтническим контактам балтов и славян друг с другом и с сопредельными народами. Ряд статей посвящен происхождению отдельных слов и выражений в древних и новых языках.

ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0442-3

© В. Н. Топоров (наследники), 2010
© Рукописные памятники Древней Руси, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Балтийские этимологии

Балтийские языки.....	7
Заметки по прусской этимологии.....	58
Две заметки из области балтийской топонимии (этимологический аспект).....	69
Исследования по балтийской этимологии (1957—1961)	82
Заметки по балтийской мифологии	97
Об одном локальном варианте основного мифа (<i>Dieveniškės</i>)	123
Лит. <i>dañdaras</i> , лтш. <i>dañdala</i> и друг.	127
Lit. <i>yrà</i> , lett. <i>ir</i> und ihre Vergangenheit im Lichte der Geschichte und der linguistischen Typologie.....	132
О некоторых аспектах реконструкции в сравнительно- историческом исследовании балтийских языков (1—2).....	146
К реконструкции прусских метрических текстов.....	165
<i>Vilnius</i> , <i>Wilno</i> , <i>Вильна</i> : город и миф.....	170
К объяснению нескольких «культурных» слов в прусском.....	240
Категории времени и пространства и балтийское языкознание.....	259
Прусс. <i>reddi</i> и под. как семантическая проблема.....	265
О специфике балт. <i>*lai</i> и его индоевропейских параллелей: на стыке морфологии и синтаксиса	271
От реконструкции старопрусского к рекреации новопрусского	293
К реконструкции одного цикла архаичных мифопоэтических представлений в свете « <i>Latvju dainas</i> » (К 150-летию со дня рождения Кр. Барона).....	326
Заметки о латышских мифологических именах.....	362

К реконструкции одного балтийского ритуального термина	386
Варпулис как ипостась Перкунаса (Из заметок по балтийской мифологии)	398
Об одной топонимической катастрофе	413
Из новой литературы по балтистике	422
К выходу в свет большого «Словаря литовского языка»	444
Еще раз о неврах и селах в общепалтийском этноязыковом контексте (народ, земля, язык, имя). Из истории и.-евр. <i>*neur-</i> : <i>*nour-</i> и <i>*sel-</i> (неумирающая память об одном балтийском племени)	452
Первые публикации статей	506

БАЛТИЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Балтийские языки (Б.я.), составляющие особую ветвь индоевропейской языковой семьи, свое современное название (литов. *baltų kalbos*, латыш. *baltu valodas*, рус. *балтийские языки*, нем. *baltische Sprachen*, фр. *langues baltiques*, англ. *Baltic languages*), ставшее в настоящее время основным и практически единственным обозначением этой группы языков, получили только в середине XIX в. (Ф. Нессельман, 1845); данное название имеет своим источником название соответствующего моря, впервые упомянутое в XI в. немецким хронистом Адамом Бременским (*mare Balticum*). Существует также мнение, что это название могло происходить от названия о-ва *Balcia*, упоминаемого Плинием Старшим в его «*Historia naturalis*». Несмотря на позднее, сугубо «ученое» и, следовательно, условное происхождение этого названия, своими корнями оно уходит в балтийскую и индоевропейскую эпоху и является важнейшим историко-лингвистическим индексом. Корнем **balt-* (литов. *báltas*, латыш. *balts*¹ 'белый' и прусские топонимы с элементом *balt-*, обозначающим болото, стоячие воды; использование *balt-* в восточнобалтийских языках для цветообозначения вторично) первоначально обозначалась, видимо, отрезанная замкнутая часть моря, гафф (нем. *Haff*), которую равно можно соотнести с Куршским заливом или закрытой частью Гданьского залива. Если это так, то данный элемент **balt-* оказывается связан с другими «болотными» обозначениями, тянущимися полосой от южного побережья Балтийского моря до Средиземноморья (прус. **balt-*, слав. **bolto*, иллир. *balt-*, ср. укр. *балта*, *балда*, *балтина* 'жидкая грязь' и соответствующие гидронимы и топонимы, алб. *balë*, н.-греч. *βάλτος*, сев.-итал. *palta*, *pauta* и т. д.).

До возникновения и утверждения названия «балтийские языки» (иногда и несколько позже) пользовались такими обозначениями этих языков, как «леттские» или «летто-литовские», нем. *lettische Sprachen*, лат. *linguae letticae*

и т. п. В литературе Б. я. иногда обозначаются как «айстийские» (литов. *aisčių kalbos* у К. Буги и др.), по имени племени айстиев (эстиев), впервые упомянутых еще Тацитом (I в.), — лат. *Aesti, Aestiorum gentes* ‘племена айстиев’, который локализовал их на морском побережье (литов. *Āis(t)marės*, т. е. ‘море айстиев’); айстии-эстии упоминаются и рядом более поздних источников, хотя далеко не всегда ясна их балтийская принадлежность.

2. В настоящее время в состав Б. я. входят литовский (с двумя основными диалектами — жемайтским и аукштайтским, включающим дзук(ий) - ские говоры на юго-востоке Литвы), латышский (с ливонским, средне-латышским и верхнелатышским диалектами) и латгальский (на основе «глубоких» говоров Латгалии и восточной части Земгале) языки. О более точном соотношении латышских и латгальских говоров в Восточной Латвии, как и о языковой ситуации в этом ареале, см. в статьях «Латгальский язык» и «Латышский язык» в наст. издании. Во всяком случае есть веские основания — и чисто языковые, и социолингвистические, и культурно-исторические, чтобы считать латгальский особым языком — тем более в свете тех общих изменений, которые имели место на рубеже 80–90-х гг. XX в. Б. я. распространены сейчас на компактной и сплошной территории (метрополия). Литовский язык преобладает на всей территории Литвы, кроме некоторых районов на востоке и юго-востоке, непрерывный ареал литовского языка в пределах Литвы имеет свое продолжение в северо-восточной части Польши (Сувалякия). К северу от области распространения литовского языка локализуется латышский язык, преобладающий на значительной территории Латвии, исключая ее восточные окраины. Однако степень преобладания латышского языка на территории Латвии или даже его концентрированности очень разная в разных районах; в частности, в ряде крупных городов значителен процент русскоговорящих и билингвов. Остатки литовской, латышской и латгальской речи, входившей раньше в сплошной балтийский ареал, сохраняются в виде островных говоров северной Белоруссии и южной Латвии (литовский язык) и северо-восточной Белоруссии (латышский язык в отдельных местах Витебской области). На литовском и латышском языках говорят также литовцы и латыши, живущие в Северной и Южной Америке, Австралии, Швеции, Германии и некоторых других странах.

Общий состав Б. я. (диалектов), включая мертвые, может быть охарактеризован следующим образом. Периферийные балтийские диалекты (в I тыс. н. э., а для некоторых звеньев этого внешнего пояса и позже): прусский (см. статью «Прусский язык» в наст. издании), ятвяжский (судавский, судинский), куршский (при членении на западно- и восточнобалтийскую группы куршский обычно относят к последней, хотя высказывается мнение о первоначальной принадлежности куршского языка к западнобалтийским языкам), га-

линдский (голядский). Диалекты центральной зоны: литовский, латышский (латгальский), земгальский, селийский (селонский). Все диалекты (языки), принадлежащие к балтийской периферии, а также селийский и земгальский принадлежат к числу вымерших, хотя ряд их особенностей более или менее очевидно сохраняется в суперстратных балтийских говорах (особенно в ятвяжском, куршском и селийском ареалах). Не только нельзя исключать существования в прошлом некоторых других неизвестных нам балтийских диалектов, но, напротив, есть все основания думать, что, во-первых, они действительно существовали и, во-вторых, что известные по названию диалекты (например галиндский) могли покрывать одним названием ряд диалектов. Сведения о Б.я. (диалектах), которым в данном издании не посвящены отдельные статьи, см. в разделе 4.

История изучения Б.я. берет свое начало в XVII в., когда появляются первые попытки описания грамматики и лексики Б.я., — труды Д. Клейна (1653, 1654); Т. Г. Шульца (1673, 1678) — по литовскому языку; Г. Манцеля (1638), И. Рехехузена (1644), Х. Адольфи (фактически — Х. Фюрекера) (1685), Г. Дресселя (1685, 1688), Я. Лангия (1685), Г. Эльгера (1683) — по латышскому языку. В течение последующих 150–200 лет появился целый ряд пособий и руководств, создавших устойчивую традицию описания Б.я., ориентирующегося на практические цели. Среди этих трудов грамматики и словари Ф. В. Хаака (1730), анонимного автора (1737), П. Ф. Руига (1747), Г. Остермейера (1791), Х. Г. Мильке (1800), С. Т. Станевича (1829), К. Коссаковского (1832) и др. — литовский язык; Л. Депкина (1704, 1705), анонимного автора (1732), Г. Ф. Стендера (1761, 1783, 1789), Я. Ланге (1777), К. Хардера (1790, 1809), О. Б. Розенбергера (1808, 1830, 1843, 1848, 1852), М. Акелевича (1817), А. Веллига (1828), Г. Хессельберга (1841) и др. — латышский язык. Возникновение сравнительно-исторического языкознания и его быстрое развитие привлекли внимание к Б.я. ряда видных индоевропейцев, усилия которых были сосредоточены на сравнительно-исторической интерпретации фактов Б.я. и на попытках более точного определения места Б.я. среди других индоевропейских. После первых в этой области опытов Р. К. Раска, Ф. Боппа, А. Ф. Потта и др. появляются сыгравшие значительную роль и лучшие для своего времени труды А. Шлейхера (1856) и А. Биленштейна (1863, 1864, 1866), в которых обстоятельное и достаточно точное описание литовского и латышского языков сочеталось с элементами сравнительно-исторического анализа. В последующие десятилетия это направление, связанное с исследованием Б.я. с точки зрения индоевропейского языкознания, стало господствующим (Й. Шмидт, Ф. Нессельман, А. Лескин, А. Бещенбергер, Л. Гейтлер, Э. Бернекер, Ф. Фортунатов, Г. Ульянов, В. Поржезинский, О. Видеман, Н. ван Вейк, Й. Зубатый, Й. Ю. Миккола

и др.), хотя время от времени появлялись ценные труды, в которых главной целью было описание языка (в частности, и его лексики) с синхронной точки зрения: Ф. Нессельман (1851), Ф. Куршат (1870—1874, 1876, 1883), А. Юшкевич (1904 и след.), К. Явнис (1916) — по литовскому; К. Х. Ульман (1872) и прежде всего замечательный словарь К. Мюленбаха, с дополнениями Я. Эндзелина (1923—1946) — по латышскому; Ф. Нессельман (1873), Р. Траутман (1910) и др. — по прусскому. С начала XX в. ведущей фигурой в балтийском языкознании стал Я. Эндзелин, внесший исключительный вклад в изучение Б. я. в самых различных аспектах (грамматики латышского и прусского языков, работы по истории и диалектологии, акцентологии, лексике и этимологии, куршскому языку, сравнительной грамматике Б. я., балто-славянским языковым отношениям, топонимике, балто-финским контактам и т. п.). Весьма велик вклад в балтийское языкознание рано скончавшегося К. Буги (изучение литовского языка и вымерших балтийских диалектов, лексикография, этимология, топонимика, праистория балтов и их языка и т. п.). Среди ученых, много потрудившихся над изучением Б. я. в XX в., следует назвать Р. Траутмана (описание прусского языка, его ономастики, опыт создания балто-славянского словаря), Г. Геруллisa (Ю. Герулisa) (пруская топонимия, литовская диалектология, вымершие Б. я.), Э. Френкеля (этимологический словарь литовского языка, синтаксис литовского языка, введение в изучение Б. я. и т. п.), Ф. Шпехта, Х. Педерсена, М. Фасмера, Т. Торбьёрнсона, Э. Хермана, Й. Ю. Микколы, Н. ван Вейка, Р. Экблома, М. Нидермана, Л. Ельмслева, Я. Розвадовского, Я. Сафаревича, В. Пизани, Хр. С. Станга (первая сравнительно-историческая грамматика Б. я., первая монография, посвященная первой печатной книге на литовском языке и др.), Э. В. К. Ниеминена, Е. Куриловича, Я. Отрембского, П. Арумаа, А. Зенна, П. Скарджюса, А. Салиса, Й. Бальчикониса, П. Йоникаса, Й. Круопаса, А. Абеле, Ю. Плакиса, А. Аугсткалнса, Э. Блесе, П. Шмитса, Э. Хаузенбергги-Штурмы, К. О. Фалька и др. В последние полвека балтистика становится дисциплиной широкого охвата. В ней работают многие десятки квалифицированных специалистов. Ее преподают во многих университетах разных стран Европы, Америки, Австралии; периодически устраиваются конгрессы и конференции. Выходит около десятка журналов и ежегодников по балтистике.

В этот период (с 60-х гг. XX в.) появляются этимологические словари Б. я.: литовского (Э. Френкель), латышского (К. Карулис), прусского (В. Мажюлис и, частично, В. Н. Топоров), закончилось уникальное для балтийской лексикографии многотомное издание «Словаря литовского языка», создаются диалектные атласы и диалектные словари, выходят грамматики Б. я. академического типа. Среди тех, чей вклад заслуживает внимания, —